

В металлургической Магнитке любят поэзию. Пример тому — большой успех праздника поэзии, который состоялся вчера на площади Победы. Сегодня мы знакомим читателей с новыми стихами А. Павлова, Н. Якшина и студента МГМИ О. Щурова.

Александр ПАВЛОВ

Говорят: беда одна не ходит...
Нынче вновь явилась не одна.
По уши влюбился, при народе
лоб разбил, виной тому — она.

Простудился.
Встала вся работа.
Слег в постель, и навалилась лень.
Кот-мерзавец исцарапал фото
и пропал, и нету третий день.

Волком взвыть и зареветь медведем...
Но в заветных ямочках у рта,
словно предсказанье о победе,
ты пришла и принесла кота.

Лоб зажил, отхлынула простуда,
ты пришла уже не холодна...
И поверил я в иное чудо:
радость тоже ходит не одна.

Натворили дел, набедокурили.
Что ж теперь, куда деваться нам?
Пролетели озаренья бурями
прямо так, по нашим головам.

Я стою и нервный, и простуженный...
Никому сегодня невдомек,
что на главной улице запруженной
есть и мой зеленый огонек.

Он тихонько сядет мне в ладони,
вывезет и выведет к моей
озорной и солнечной мадонне,
как на тройке вороных коней.

К золотой, пушистой и глазастой,
все, что было — это было впрок...
Где же ты, не балуйся, не шастай.
Ах ты мой, зеленый огонек!

Не удивляйся, друг сердечный,
устал, какая к черту грусть.
Я весь какой-то поперечный
и сам в себе не разберусь.

Ночей свирепа канонада,
в кошмарах света не видать.
Да и тебе-то больно надо?
Себя не в силах расхлебать.

Каноны общие нарушу,
сверну, оно пока честней...
Не заложить ли черту душу —
пускай помыкается с ней?

Как жить?
Да кто ж тому научит.
Но, засучивши рукава,
«предвидя» твой удел и участь,
вовсю используют права.

Так — хорошо, а этак — плохо,
так — можно,
а вот так — нельзя...

И смотрит грустная эпоха
в его премудрые глаза.

Он прав, что свет считает белым,
поскольку это — белый свет...
Но я-то ощущаю телом,
что свет имеет сложный спектр.

Что даже в обомшелом камне
такая совершенства даль...
Она шлифуется веками
да так — порой коснуться жаль.

Дай человеку опереться
на овой неповторимый мир.
Не нужно с пересадкой сердца,
накладно выглядит, пойми.

Пойми, что человек — не робот,
задать программу — не спеши.
Мертвы теория и опыт
без горькой практики души.

1.

Ох, неладно, криво-косо
Я весну переходил:
Под трамвайные колеса
Я едва не угодил.
Вроде страхи миновали.
Только чую, быть беде:
Руки, ноги, голова ли—
Все на месте, да не те.
Тащат прямо по дороге,
По середке колеи,
Разгулявшиеся ноги,
Непутевые мои.
Мне б, как все, по тротуару.
Но скользит уныло взгляд:
Что-то где-то здесь сверкало,
Промелькнуло и пропало—
То ль на небо, то ль на шпалы,
То ли в рай, а то ли в ад

На заслуженный
отдых.

Фото А. Князева.

И вернется ли назад?
Так я бред, как в темной чаще,
Весь в сомненья погружен.
Что?
Откуда?!
Свет слепящий —
Громыкнул по мне вагон!
Но зато — кромсайте, режьте,
К черту ваши тормоза! —
Вновь сверкнули мне, как прежде,
Темно-карие глаза!
...Мы весны законы знаем—
Жертвы новые готовы:
Катят красные трамваи
Под названием любовь.

Весна-87

Николай ЯКШИН

2.

Немного белого вина,
Немного щебета и звона...
Ты из того сотворена,
Что не напишут на иконах.
Но и грехов-то с ноготок.

3.

Кто да кто... Конечно, я,
Можно и не спрашивать.
Это вскрылась полынья
У порога вашего.
Это я пойду ко дну.
Горькую, соленую
Влагу чистую плесну
На сердце раскаленное.
Разворотит взрывом грудь—
Веером осколки.
Только им не всколыхнуть
Белой вашей кофточкой.

4.

Когда очередной дурак сохнет
Про буйное весеннее везенье,
И я теперь кривлю в усмешке рот.
Не дай вам бог подобного веселья.
И я в железном панцире живу,
Где пулеметы вставлены в глазницы.
Еще не убиваю наяву,
Но что-то смерть мне часто стала
сниться.

Но дико мне, что так закон суров.
И кто на этом свете так устроил,
Что снайперски последних дураков
Отстреливает общество героев?

5.

Белый ангел с крылом опаленным,
Что на пятом живет этаже,
Не порхает — вздыхает, влюбленный.
Потому и не ангел уже.

Олег ЩУРОВ

Стальной
и каменный Урал
рождал
лиры чугунные.

И сегодня
люди грузные
перебирают струны
пальцами кургузыми.

В стодликах тонкокостных
считают их гуннами,
говорят:

«Несерьезно».

Но вместе с уральскими
чугунными лирами
поют под теми же
вечными звездами,

как тот, что в холодной
московской
квартире

вышагивал стихи
громдного
роста.

И люди
грузные,
каменные,
у которых под камнем —

роза,
говорят тоже
громдными стихами,
а улыбаются

по-детски просто.

Говорят — я несвоевременный,
мне родиться бы с Рембрандтом
вместе.

Или где-нибудь на задворках времени
в позабытом году и месяце.
Не насмешка — ссылка в безвременье,
в консервированное состояние

вечности,
равнодушное отчуждение
от живущего человечества.

Я давно по холстам размазанный,
перечитанный, переписанный,
гесня спетая, слово сказанное
и банальная вечная истина.

Век конвейера и пластика,
салютующий ракетными баллами,
я оплакиваю

вечными красками
и живыми человеческими слезами.

Говорят — я несвоевременный
и живущий старыми сказками.
Говорят, я встречаюсь с Рембрандтом,
говорят — пью вино с Саскией.

Розовые рассветы
между стволов сосен.
Мне казалось — еще лето,
но уже давно осень.

Костерок дымит потухший,
разгореться не может,
на дорогах — рябые лужи,
и летит ледяной дождик.

Затишают песни и споры,
и земля и душа стынут.

Мне казалось — аккорд в мажоре,
а на струнах уже иней.

Отшумело листвою лето,
рвутся мокрого неба заплатки.

Мне казалось — еще рассветы,
оказалось, уже закаты.

Открываю себя —
смотреть боязно —
сила страшная,
как у поезда.

Как у поезда,
но летучего,
по стезе прямой
не-

везучего.

Невезучего
в чем-то маленьком,
что,

как пыль,
метет
память веником.

А в огромное небо
хочется
словно в снег упасть...

расхохочешься!
(Расхохочешься —
на здоровьице,

хуже, ежели
не здоровится).

Не лететь бы
с откоса
рифменному,

не вписаться
в каноны фирменные.

В остальном же —
пой все и вся.
Я ответный,
не отпавшийся!